

Актуальные проблемы личных фондов в России

Научный руководитель – Кичик Кузьма Валерьевич

Чемезов Максим Александрович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра предпринимательского права, Москва, Россия

E-mail: chemezov15@mail.ru

С первого марта 2022 г. вступил в силу закон, в соответствии с которым стало возможным создание личных фондов. Важным отличием от уже существовавшего в ГК РФ института наследственного фонда стала возможность учредителя еще при жизни увидеть, как функционирует модель управления его активами. Наследственный фонд превратился в вид личного фонда. Любопытно, что в отличие от наследственного фонда для создания личного фонда требуется внести активы размером не менее ста миллионов рублей. Неизвестно, чем вызвана такая дифференциация в правовом регулировании. Если законодатель хотел сделать фонды привилегией богатых, то необходимо было установить порог размера вносимых активов и для наследственных фондов.

Ключевой целью создания личных фондов является консолидация имущества с целью управления благосостоянием и передачи активов, имущества, имущественных прав, в т. ч. будущим поколениям. Передача бизнеса находящемуся под профессиональным управлением личному фонду, в котором родственники являются лишь выгодоприобретателями, потенциально позволяет избежать «растаскивания» активов наследниками, а также разрушения семейного бизнеса в результате управления бесталанными потомками основателя бизнеса. На данный момент в России зарегистрировано чуть более 10 личных фондов, среди которых, например, Личный фонд Арушанова Хачатура Ренуаровича, Личный фонд «Фонд семьи Ахмеровых», Личный фонд Мгера Аветисяна.

Фонды широко развиты в европейских странах. В германской доктрине под фондом (*rechtsfähige, selbstständige Stiftung*) понимается по смыслу § 80 *BGB* правоспособная организация, которая преследует определенную установленную посредством учредительной сделки цель с помощью навсегда посвященного ей имущества [1]. Ряд авторов также добавляют в определение указание на отсутствие персонального субстрата или что фонд не представляет собой союз лиц или не основан на союзе лиц [4].

В европейском праве фонд является приблизительным аналогом английского траста. Как и в трасте, руководство фонда обязано управлять имуществом фонда таким образом, как определил учредитель фонда. С.Л. Будылин и Е.Ю. Петров отмечают, что важнейшая разница состоит в том, что фонд, в отличие от траста, является отдельным юридическим лицом, на имя которого оформляется имущество [2].

Основным учредительным документом личного фонда является устав, подлежащий нотариальному удостоверению. Учредитель фонда может дополнительно утвердить условия управления личным фондом, также подлежащие нотариальному удостоверению, а также иные внутренние документы. Тем не менее образуется правовая неопределённость в случае противоречия устава условиям управления личным фондом. По моему мнению, данный вопрос имеет схожую природу с проблемой соотношения устава с корпоративным договором в хозяйственных обществах [3]. Так как учредитель в личном фонде может быть только один (за исключением совместного учреждения фонда супругами), то логичным представляется, что условия управления будут иметь приоритет над уставом в случае их противоречия друг другу.

Личному фонду свойственна максимально гибкая структура органов управления. При желании учредитель может предусмотреть помимо ЕИО коллегиальный исполнительный орган, надзорный орган, высший коллегиальный орган и попечительский совет. Кроме того, учредителю предоставляется возможность в уставе и условиях управления самому определить полномочия органов управления.

Обратимся к п. 3 ст. 123.20–7 ГК РФ: «в случаях, предусмотренных уставом личного фонда, в нем создаются высший коллегиальный орган и попечительский совет». Почему законодатель использует союз «и» в этом пункте, а не «и (или)»? Значит ли это, что в личном фонде учредитель не может создать один из этих органов, не создавая другой? Если ответ на предыдущий вопрос утвердительный, то зачем вообще нужно такое ограничение? Подобная правовая неопределенность, конечно, может быть вызвана неточностью законодательной техники. На мой взгляд, данный пункт ГК РФ нуждается в соответствующей корректировке.

Еще один интересный вопрос исходит из п. 2 ст. 123.20–7 ГК РФ. В наследственных фондах установлен запрет выгодоприобретателю быть ЕИО или членом коллегиального исполнительного органа. При этом в прижизненных фондах такого нет. Тростовое право стран общего права (common law) также не знает подобного ограничительного положения [2]. Кроме того, остается непонятным, должен ли выгодоприобретатель личного фонда, занимающий должность ЕИО, покинуть должность в случае смерти учредителя личного фонда. Таким образом, подобное ограничение для наследственных фондов с трудом можно назвать обоснованным.

Обратим внимание также на основания для ликвидации личных фондов. П. 11 ст. 123.20–4 ГК РФ содержит *numerus clausus* таких оснований. Отметим, что в Англии бенефициары траста могут своим решением (если все они дееспособны, и все голосуют «за») ликвидировать траст и получить его имущество в свою собственность [2]. В нашем правопорядке почему-то такого права выгодоприобретателям не предоставлено, что, на мой взгляд, не соответствует экономической цели личных фондов.

В заключение стоит отметить, что институт «личных фондов» соответствует международной практике. Появление данного института в нашем правопорядке вызвано объективной причиной сохранения и рационального использования заработанных гражданами активов. Однако законодательная основа конструкции, внесенная в ГК РФ, имеет ряд сомнительных и недоработанных положений, обозначенных мною выше. Если целью законодателя было добиться, чтобы граждане вместо открытия фондов и трастов в иностранных юрисдикциях, открывали личные фонды в России, то законодателю необходимо минимизировать недостатки правового регулирования.

Источники и литература

- 1) Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 209.
- 2) Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р. С. Бевзенко, С.Л. Будылин, Е.В. Кожевина и др.; отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. С. 656
- 3) Шиткина И.С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 14–23.
- 4) Schmidt K. Gesellschaftsrecht. 4., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Köln; Berlin; Bonn; München: Heymanns, 2002. S. 173; Staudinger/Hüttemann/Rawert (2017) Vorbem zu §§ 80 ff. Rn. 1.